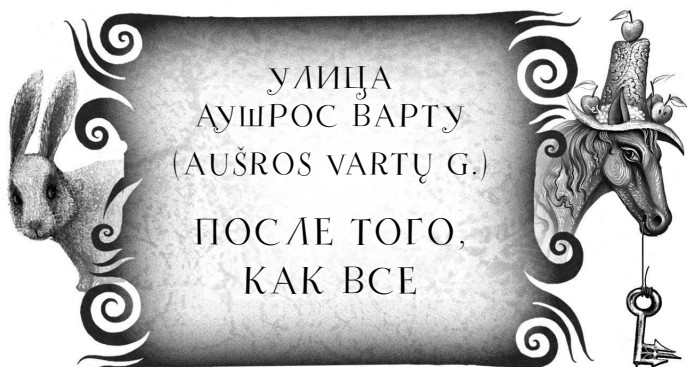

ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Аушрос Варту (Aušros Vartų g.) После того, как все	7
Улица Бокшто (Bokšto g.) Оплата по договоренности	14
Улица Венуолё (A. Vienuolio g.) Скорей всего, это была птица	28
Улица Вингрю (Vingrių g.) Только начало	31
Улица Гелю (Gėlių g.) Немного не туда	97
Улица Диснос (Dysnos g.) Синий автобус Мария	102
Улица Доминикону (Dominikonų g.) Лучше не спрашивай, как	143
Улица Исландийос (Islandijos g.) За черной-черной стеной	147
Улица Йогайлос (Jogailos g.) Жили в шатрах, умывались бисером	165
Улица Кармелиту (Karmelitų g.) Белый кролик Лена	169

Кафедральная площадь (Katedros a.)	
Четыре летних грозы	214
Улица Лабдарю (Labdarių g.)	
Разговор по-немецки	219
Улица Лигонинес (Ligoninės g.)	
Все желания гостей	333
Улица Месиню (Mėsinių g.)	
Смесь для приготовления понедельника	359
Улица Полоцко (Polocko g.)	
Две горсти гороха, одна — морского песка	363
Улица Пранцишкону (Pranciškonų g.)	
Хава Шимали, Хава Джануби	405
Ратушная площадь (Rotusės a.)	
Город в половине третьего ночи	410
Улица Русу (Rusų g.)	
Будем честны	425
Улица Сирвидо (K. Sirvydo g.)	
Байба	434
Улица Швенто Миколо (Švento Mykolo g.)	
Покупки поздно вечером	444
Улица Швенто Стяпано (Švento Stepono g.)	
Магазин подержанных канцтоваров	448

- Что бывает после того, как все заканчивается? — спрашивает Евка.

Зря она спрашивает об этом меня. Я не священник, не философ-мистик, не духовидец, беседующий с ангелами, когда тем приходит блажь поболтать. Обычный человек, плохой художник, хороший портной, бывший друг Евкиного бывшего мужа. И ее лучший друг.

Когда-то мы отлично проводили время втроем — Витька, Евка и я. А теперь Евка умирает, а Витька сбежал на край света еще полтора года назад, как только узнал о ее диагнозе. А я — ну что я. Явно не тот человек, которого следует спрашивать о важных вещах. Но Евка — известная растяпа, никогда не умела сделать правильный выбор. Даже в мужья, как оказалось, взяла самого ненадежного человека в мире, а вот теперь безошибочно отыскала наихудшего теософа — меня.

Эх, Евка, Евка.

Я никогда не был в нее влюблен. Мы просто дружили. Сперва потому, что Евка вышла замуж за моего лучшего друга и стала как бы обязательным прило-

жением к нашим встречам — хочешь не хочешь, привыкай. Но потом время расставило все по местам, и оказалось, что ни к кому Евка не прилагается, она сама по себе. Совершенно золотая девчонка. Думал, таких не бывает.

Нам всегда было интересно вместе, как в ранней юности, когда дружба нужна для того, чтобы совместными усилиями познавать мир и хоть как-то разбираться с постоянно прибывающей информацией о нем. Ставили друг другу любимую музыку: «Как тебе Нина Хаген?» «Неужели Лори Андерсон никогда не слушала?» Бурно ссорились, обсуждая книги, и немедленно мирились, узнав о большой выставке Базелит-ца или Бойса — где-нибудь условно недалеко, всего в полутора тысячах километрах от нас, и надо срочно понять, как мы будем туда добираться. Евка приохотила меня к фильмам Клода Шаброля и Жака Ривет-та, а я нанес сокрушительный ответный удар Джармушем. Евка научила меня делать смородиновое вино, запускать воздушных змеев и кататься на роликовых коньках. Я уговорил Евку достать из шкафа заброшенную со школьных лет скрипку и сшил для нее лучший в мире пиджак, с настоящими часами на груди. То есть оставил на виду стрелки, а часовой механизм с крошечной батарейкой спрятал под подкладку, и счастливая Евка ходила по городу, звонко тикая, сверкая парчой и вельветом лоскутного циферблата, первая в мире девушка-хронометр, только сегодня, только у нас. Мы азартно резались в покер ночи напролет, отпля-

сывали Линди Хоп на вечеринках, разрисовывали стены дружественных кафе, устраивали импровизированные уличные концерты для соседских детей и еще столько всего замечательного делали мы вместе с Евкой — не перескажешь.

Боже, какие же мы были прекрасные веселые дураки всего два года назад. Вот бы еще так пожить. Хоть когда-нибудь.

Но ничего не выйдет, потому что Евка скоро умрет. Может, завтра, может, через неделю. Счет в любом случае идет на дни, и она это знает. И Зося знает, и я.

Зося — Евкина старшая сестра, больше у них вообще никакой родни. Не знаю почему — никогда не расспрашивал. Зося молодец, забрала Евку к себе домой, на Аушрос Варту. Дома гораздо лучше, чем в больнице, здесь клетчатые пледы, цветы на подоконниках, ласковая серая кошка Брыська, сладкие кухонные запахи, колокольный звон и солнечный свет сквозь зеленые занавески, здесь человеческая жизнь кажется хорошей штукой, которая не может вот так ни с того ни с сего взять и закончиться ничем.

Мне — и то не верится.

— Что бывает после того, как все заканчивается? — настойчиво спрашивает Евка.

И я, дурак несчастный, глупый тупица, за сорок лет так и не выучившийся вдохновенно врать, бормочу:

— Я не знаю.

— Витька однажды рассказывал, ты в детстве почти утонул, еле откачали, — говорит Евка.

А толку-то, — думаю я. — Все равно ничего не помню. Ни пресловутого света в конце тоннеля, ни добрых ангелов, ни покойных прабабушек, вышедших мне навстречу, ни каких-нибудь тибетских милосердных божеств. Мне же тогда пяти лет еще не было. Я даже о самом событии знаю только с маминых слов; она меня потом лет до пятнадцати на пляж не пускала. Собственно, дай ей волю, до сих пор не пускала бы, просто я научился удирать без спроса. И не только на пляж.

— Я больше никого такого не знаю, — говорит Евка. — Чтобы умер, а потом ожил. Некого больше спросить. А мне сейчас только это и важно.

Мне тоже сейчас только это и важно, — думаю я. — Хотел бы я быть наивным дураком, совершенно уверенным, будто после того, как здесь все закончится, где-нибудь что-нибудь начнется. Ослепительно прекрасное. Для Евки. Тогда не так страшно навсегда с ней расставаться.

— Золотая лестница, — говорю я.

И мысленно хватаюсь за голову. Боже, какая глупость. Что я несу. Какая, к черту, лестница. Да еще и золотая. Это же не ребенок и не старушка суеверная, а Евка. Человек с двумя гуманитарными образованиями. Кого я хочу обмануть.

— Вот, — она почти улыбается. Насколько это вообще возможно. — Так и знала, ты что-то помнишь.

— Золотая лестница спускается с неба, — говорю я. — Но не металлическая. Мягкая. Из чего-то вроде толстого каната. Но позолоченного. То есть сплетен-

ного из золотых волокон. Наверное. По-хорошему, надо бы поближе посмотреть.

Несу все это просто от отчаяния. Понимаю, что если уж ляпнул, надо развивать тему. И не дай бог мне сейчас остановиться, запнуться или покраснеть, потому что Евка мне верит. Поздно придумывать что-то умное. Раньше надо было. А теперь выкручивайся, как можешь. Только не умолкай. Говори. Говори. Говори.

— Я был еще жив, но уже не понимал, что тону. Не чувствовал, что вокруг вода. Не задышался. Просто смотрел, как лестница спускается с неба. И так ей радовался, как вообще никогда ничему в жизни. Ничего на свете так не хотел, как ухватиться за эти золотые канаты и полезть вверх. Если бы мне тогда велели выбирать — ожить и попасть домой к маме или лезть по золотой лестнице, — у мамы не было бы ни единого шанса. Хотя она у меня хорошая. Я ее очень люблю, а в детстве вообще обожал. Но когда глядел на золотую лестницу, даже не вспомнил, что где-то есть мама. И другие люди. И какая-то жизнь. Такое счастье было — просто смотреть на золотую лестницу. И даже вообразить не могу, как здорово было бы по ней лезть! Но меня, как видишь, все равно откачали. В первые дни после этого я все время плакал. Взрослые думали, от пережитого страха, а я им ничего не объяснял. Откуда-то знал, что золотая лестница — это тайна, никому нельзя рассказывать. Потом я о ней забыл, конечно. А теперь ты спросила, и я вдруг вспомнил. Надо же.

— Ежи, дружище. Как же хорошо, — говорит Евка. — Если самому хочется по этой лестнице лезть, то, наверное, не страшно, да?

— Очень хочется, — твердо говорю я. — И совершенно не страшно.

— Хорошо, — повторяет Евка. — Тогда хорошо.

* * *

— Так странно, Ежинька, — говорит Зося. — Так это все странно.

Она мертвой хваткой вцепилась в мой рукав. Хотя я раз сто уже пообещал, что никуда не уйду, даже ночевать останусь, если будет нужно. Но своими руками держать, конечно, надежней, чем полагаться на слова, я понимаю.

— Так этого дня боялась, — говорит Зося. — Каждое утро думала: ну пускай еще сегодня поживет, один денек, неужели жалко? И еще один. И еще. Совершенно не понимала, как это можно — взять и отпустить человека в смерть. А не отпускать я не умею. Не знала, что буду делать, когда Евка все-таки уйдет. И вот — все, ушла. И при этом так улыбается, как будто ничего лучше смерти не может случиться с человеком. Вот правда, улыбается. Как будто там хорошо. Даже я ей поверила, представляешь?

И начинает плакать. Это вроде бы правильно. То есть гораздо лучше, чем сдерживаться, все так говорят.

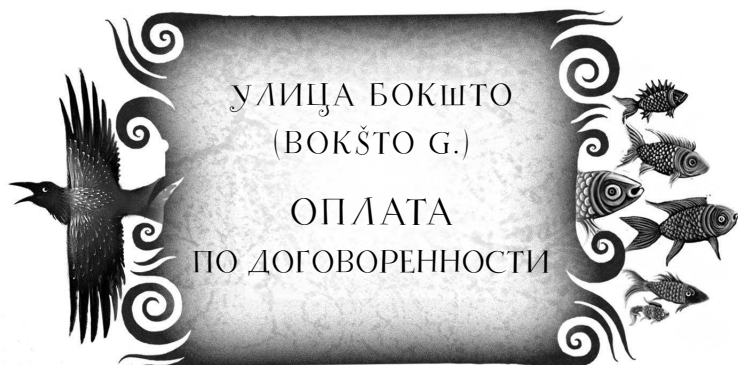
— Хочешь на нее посмотреть? — спрашивает Зося. — Попрощаться.

Господи, конечно я не хочу смотреть на мертвую Евку. Но ясно, что придется. Зосе это зачем-то надо. Глядит умоляюще, тянет меня за рукав. И хорош я буду, если стану сейчас с ней препираться.

— Смотри, Ежинька, — говорит Зося. — Она улыбается. Мне не показалось. Не обманываю себя. Правда же?

— Правда, — отвечаю я.

Но смотрю не на мертвую Евку. А вниз, туда, где на темно-вишневом ворсе старенького Зосинога ковра сверкают обрывки золотых волокон. Один, два, три — господи, да сколько же их тут.

Сразу видно, хорошая девчонка. Серьезная. Смотрит на меня так, что другой подумал бы: «Ого, я ей нравлюсь!» Но я человек опытный. Этот заинтересованный взгляд художника, изучающего особенности строения моих лестничных мышц, расположение ключиц и прочие анатомические подробности, знаю очень хорошо.

Говорю:

— Привет. Это я.

Улыбается откуда-то издалека, скорее своим мыслям, чем мне. Ничего, лишь бы улыбалась. Добрый знак.

— Диспозиция, — говорю, — такова. У нас за спиной городская филармония. Слева — улица Диджои, Ратушная площадь, фонтан и прочие бесхитростные радости городского бытия. Справа — Врата Зари, то есть улица Аушрос Варту. В начале ее стоит базили-анский монастырь, в конце — знаменитая Острая Брама, а между ними образцовый туристический набор: храмы, блины, деревянные ангелы, янтарные брошки, льняные салфетки, светлое пиво и темный

квас. И самое главное: прямо у нас под носом — лучший кофе в городе. Впрочем, дегустацию придется отложить до завтра, а пока просто запомни этот оранжевый ромб. Где бы он ни попался тебе на глаза, знай, что ему можно довериться. А теперь вперед. Нас ждет улица Бокшто, и это так много, что даже не знаю, успеем ли мы все захватить за один присест.

Говорю:

— Выбирай дорогу. Можем пойти по Швенто Казимеро. Это очень красивая улица. Вон та, где арка. С ней только одна проблема — поющие стены. Ну, строго говоря, это не проблема, а дополнительное удовольствие. Но ты в городе новенькая, так что, будь уверена, уж они расстараятся, чтобы тебя приворожить. И наверняка добьются успеха. Заслушаешься, откажешься идти дальше, застрянешь там до утра. В принципе ничего страшного, прекрасно проведешь время. Но тогда плакала наша экскурсия. Так что смотри сама.

— А как еще можно пойти?

— Например, по улице Субачяус. Стены там тихие, мостовая смиренная, деревья заняты своими делами, на прохожих ноль внимания. Единственное что, по этой улице вечно бродят двойники наших старых друзей, останавливают, заводят разговоры, порой довольно тягостные. Но если помнить, что они просто похожи и, к тому же, всегда врут...

— Ох, нет. Лучше не надо. Слушай, а можно пройти на Бокшто по крышам? Например.